E 73/40

2007237564

Р 123.
О 40.

ПО ПОВОДУ ВОПРОСОВЪ
О ПРЕДМЕТАХЪ ОБЩАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

(АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА).

Многоуважаемый издатель «Вѣстника Европы» почтилъ мою краткую замѣтку о сущности классицизма *) довольно обширнымъ возраженіемъ («Спб. Вѣд.» № 109), въ которомъ онъ, между прочимъ, обращается ко мнѣ съ нѣсколькими вопросами. Не желая утомлять вниманія читателей и зная, что испоконъ-вѣку всѣ людскіе споры кончаются тѣмъ, что каждая изъ сторонъ остается при своемъ убѣжденіи, постараюсь объясниться какъ можно короче.

Въ первой замѣткѣ своей я коснулся только одной стороны дѣла, именно гуманистическаго содержанія классицизма въ сравненіи съ реальными науками, имѣющими предметомъ одну внѣшнюю природу. Это подало М. М. Стасюлевичу поводъ сказать, что дѣло, слѣдовательно, не въ классицизмѣ, а въ литературномъ образованіи, которое можетъ быть лучше достигаемо изученіемъ новѣйшихъ языковъ. Поэтому, сознавая

*) См. «Голосъ», № 108.

БИБЛІОТЕКА

превосходство литературнаго образованія надъ реальнымъ, онъ предлагаетъ въ основу перваго поставить, вмѣсто древнихъ языковъ, новые съ ихъ богатыми литературами и геніальными писателями. Но при этомъ почтенный возражатель какъ-будто не хочетъ припомнить того, что столько разъ высказывалось замѣчательными педагогами объ образовательномъ дѣйствіи самыхъ языковъ древняго міра. Итакъ я долженъ прежде всего попытаться выяснить въ немногихъ словахъ взглядъ на ихъ значеніе.

Изъ всѣхъ языковъ нашей индо-европейской расы греческій и латинскій, установившись и завершивъ свое развитіе въ древности, отличаются отъ позднѣйшихъ своимъ самобытнымъ и правильнымъ строемъ. Система ихъ законовъ составляетъ настоящую науку слова въ приложеніи къ двумъ образцовымъ его организмамъ. Работа ума надъ уразумѣніемъ этихъ законовъ и потомъ надъ примѣненіемъ ихъ въ устныхъ и письменныхъ упражненіяхъ дѣйствуетъ плодотворно на умственное развитіе и укрѣпленіе навыка ко всякому серьезному умственному труду. Изученіе древнихъ языковъ, наравнѣ съ математикой, представляетъ неистощимый матеріалъ для самодѣятельнаго и послѣдовательнаго напряженія мысли. Человѣкъ, получившій хорошее классическое образованіе, уже въ школѣ пріобрѣтаетъ, въ бо̀льшей или меньшей степени, то терпѣніе и самообладаніе, ту стойкость и выдержку въ работѣ, которыя, безъ этого прочнаго основанія, развиваются позднѣе только путемъ упорныхъ и многолѣтнихъ усилій. Справедливость этого замѣчанія лучше все-

го доказывается примѣромъ тѣхъ училищъ, гдѣ классы раздѣляются на два отдѣленія—классическое и реальное: въ такихъ училищахъ сдѣлано наблюденіе, что превосходство по *всѣмъ* предметамъ (не говоря уже о языкахъ) принадлежитъ ученикамъ перваго изъ названныхъ отдѣленій. Вотъ въ чемъ заключается общечеловѣческое педагогическое значеніе двухъ языковъ, которые неоспоримо должны быть признаны совершеннѣйшими языками европейскаго міра на всемъ протяженіи его культурной исторіи.

Новѣйшіе языки, по богатству своихъ литературъ, могутъ, конечно, соперничать съ древними, но, по своимъ формамъ и строю, они не представляютъ тѣхъ же преимуществъ для школы. Во всѣхъ ихъ замѣчается большее или меньшее искаженіе древнихъ формъ человѣческой рѣчи; въ нихъ слишкомъ много неорганическаго, случайнаго и условнаго. Притомъ, не только въ романскихъ языкахъ, но также въ германскихъ и славянскихъ, греческія и латинскія слова составляютъ такую значительную пропорцію, что отчетливое преподаваніе современныхъ намъ европейскихъ языковъ просто немыслимо безъ помощи древнихъ. Вотъ другая сторона общеевропейскаго, а слѣдовательно и общечеловѣческаго значенія послѣднихъ. Русскій — также европеецъ, и языкъ его принадлежитъ къ тому же корню, какъ и классическіе языки. Еслибъ мы оставались отчужденными отъ Европы, тогда имѣли бы право сказать, что у насъ мало общаго съ греко-латинскимъ міромъ; но когда изученіе языковъ нынѣшняго европейскаго запада,

рядомъ съ усвоеніемъ его быта, нравовъ, учрежденій и изобрѣтеній, составляетъ господствующую черту нашей умственной жизни, то какъ намъ не признать, что мы вмѣстѣ съ Европою стоимъ на одномъ и томъ же культурномъ основаніи? какъ намъ отказаться отъ связи съ первобытной европейской цивилизаціей? или мы предпочтемъ не имѣть подъ собой никакой культурной почвы, кромѣ развѣ старо-болгарской письменности?

По поводу предположенія г. Бекетова ввести въ гимназіяхъ, вмѣсто древнихъ языковъ, *глубокое* изученіе новыхъ, я замѣтилъ, что *такое* изученіе ихъ было бы невозможно безъ знанія первыхъ. Но «возможно ли», спрашиваетъ г. Стасюлевичъ, «глубокое изученіе самихъ классическихъ языковъ, латинскаго и греческаго, безъ *предварительнаго* изученія языка санскритскаго?» Слѣдовательно, заключаетъ онъ, и этотъ языкъ долженъ быть преподаваемъ въ гимназіяхъ? Несерьозность такого вывода очевидна для всякаго. *Глубокое* изученіе древнихъ языковъ нужно только для филолога и невозможно въ гимназіяхъ; для общаго образованія требуется только основательность; изученіе санскрита ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть *предварительнымъ*; это предметъ спеціальной учености, который составилъ бы излишнее бремя и безсмысленную *роскошь въ приготовительномъ* образованій. Языки греческій и латинскій оказываются вполнѣ достаточными для предположенной цѣли; они важны, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что не только не затрудняютъ, но чрезвычайно облегчаютъ изученіе новыхъ

языковъ. Человѣкъ, получившій хорошее классическое основаніе, легко и скоро овладѣваетъ всякимъ другимъ языкомъ. Странно было бы, еслибъ русскіе, одаренные вообще особенными лингвистическими способностями, предпочли поверхностное основательному для избѣжанія труда, которому вся Европа разумно подвергаетъ свою молодежь. Кромѣ западныхъ государствъ, мы имѣемъ передъ собою еще ближайшій примѣръ скандинавскаго сѣвера и Финляндіи, гдѣ классическое образованіе особенно цѣнится и оказало великія услуги просвѣщенію. Тамъ общеобразовательная классическая подготовка продолжается еще и въ университетахъ, такъ что никто по спеціальнымъ факультетамъ не имѣетъ права экзаменоваться на степень доктора, если не пріобрѣлъ предварительно степени магистра или доктора же по факультету философскому, въ которомъ знаніе древнихъ языковъ составляетъ краеугольный камень. Степень же доктора правъ считается необходимою для занятія высшихъ государственныхъ должностей по законодательной и судебной частямъ.

По увѣренію реалистовъ, классицизмъ на Западѣ начинаетъ уже колебаться и долженъ будетъ рано или поздно уступить мѣсто реальнымъ наукамъ. Но въ сущности онъ вездѣ крѣпко держится, отказываясь только отъ исключительнаго господства и признавая право реализма на законный просторъ. Само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ клас сицизмъ, какъ въ Англіи, подавляетъ развитіе другихъ знаній, онъ долженъ быть ограниченъ; а тамъ, гдѣ, напротивъ, онъ слишкомъ слабъ, его слѣдуетъ укрѣпить. Строить

теоріи на гадательномъ будущемъ—невозможно; обращаясь къ исторіи, мы должны сознаться, что умственное величіе и могущество Европы, не исключая и успѣховъ естествознанія, выросло на почвѣ классицизма. Мы знаемъ, что и теперь еще въ государствахъ, наиболѣе процвѣтающихъ, преобладаетъ въ воспитаніи классическая система; знаемъ, что Западная Европа, при этой основѣ общаго образованія, дала міру много великихъ мыслителей, политиковъ, администраторовъ, законодателей, наконецъ ученыхъ по *всѣмъ* отраслямъ знанія; Восточная же Европа, при полномъ почти отсутствіи того же элемента, была относительно бѣдна людьми на всѣхъ поприщахъ умственной и государственной дѣятельности. Тотъ славянскій народъ, который сталъ впереди всего своего племени, чехи, началъ тѣмъ, что усвоилъ себѣ западно-европейскую систему образованія.

Есть довольно распространенное мнѣніе, что литературу древнихъ можно вполнѣ изучить по переводамъ на новѣйшіе языки. Неоспоримо, что произведенія ума безъ большаго ущерба для смысла читаются въ переводахъ. Но нельзя того же сказать о произведеніяхъ фантазіи и вкуса, напр., о гомерическомъ эпосѣ. Непосредственное знакомство съ художественною стороной древней литературы составляетъ для всякаго одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ пріобрѣтеній въ молодости, когда воображеніе и эстетическое чувство сохраняютъ всю свою свѣжесть и воспріимчивость. Такое знакомство не теряетъ своего живительнаго дѣйствія и въ позднѣйшіе годы положительныхъ занятій и стремленій. По этой

причинѣ первоначальное классическое образованіе должно имѣть еще бо́льшую цѣну для того, кто послѣ посвящаетъ себя изученію предметовъ совершенно другаго рода или чисто практической дѣятельности Для утилитарныхъ цѣлей такая подготовка, конечно, не служитъ ему непосредственно, но при этомъ духовномъ запасѣ онъ всегда будетъ человѣкомъ болѣе образованнымъ, нежели тотъ, кто съ ранней молодости осужденъ на сухое и холодное изученіе однѣхъ положительныхъ наукъ.

Изъ давняго опыта нашихъ среднихъ училищъ уже извѣстно, какъ плохо удается въ нихъ преподаваніе новыхъ языковъ: для успѣшности его нужна практика, которой тамъ недостаетъ; одно книжное изученіе живыхъ языковъ, какъ мертвыхъ, не удовлетворяетъ самихъ учениковъ и не поддерживаетъ ихъ любознательности. Даже во французскомъ, котораго знаніе привлекательно для массы общества, немногіе изъ нихъ сколько-нибудь успѣваютъ. Что касается до нѣмецкаго, о необходимости котораго мой уважаемый противникъ желаетъ знать мое мнѣніе, то на этотъ счетъ можетъ, конечно, быть только одинъ отвѣтъ, но, къ крайнему сожалѣнію, этотъ почтенный языкъ, наравнѣ съ латынью, до-сихъ-поръ въ бо́льшей части нашихъ училищъ не пользуется ни малѣйшимъ сочувствіемъ. Вотъ тутъ-то обнаруживается во всей полнотѣ наша бѣдность въ педагогахъ, способныхъ преодолѣть укоренившееся предубѣжденіе и возбудить охоту къ языку, безъ котораго, въ самомъ дѣлѣ, будущему студенту какого бы ни было факультета обойтись невозможно. Наконецъ, относительно

роднаго языка замѣчу, что какъ ни полезно раннее и сознательное его изученіе въ связи съ церковнославянскимъ, однакожъ и съ этимъ дополненіемъ онъ, по вышеизложеннымъ соображеніямъ, никогда не можетъ замѣнить древнихъ языковъ; его преподаваніе должно предшествовать и сопутствовать изученію греческаго и латинскаго, но не исключать ихъ.

Мы видимъ поэтому, что мысль ввести, вмѣсто древнихъ языковъ, новые не такъ счастлива, какъ можетъ съ перваго взгляда казаться. Съ другой стороны поборники реализма утверждаютъ, что естественныя науки могутъ доставить въ среднихъ училищахъ такой же годный матеріалъ для умственнаго развитія, какъ древніе языки Трудно понять, какимъ образомъ естествознаніе въ гимназіи, особливо въ низшихъ классахъ, могло бы преподаваться такъ, чтобъ ученики въ своихъ занятіяхъ по этому предмету (именно по естественной исторіи, какъ предлагаетъ г. Бекетовъ) находили достаточное упражненіе въ самодѣятельности ума и въ примѣненіи правилъ къ дѣлу. Желательно было бы, чтобъ кто-нибудь изложилъ хоть въ общихъ чертахъ программу первоначальнаго преподаванія естественныхъ наукъ. Мы понимаемъ, что самостоятельная разработка ихъ, какъ всякое серьозное наблюденіе и изслѣдованіе, требуетъ большаго напряженія ума и вполнѣ достойно ученаго; но то, что изъ естествознанія доступно раннему возрасту,—описаніе предметовъ, классификація ихъ по признакамъ и номенклатура, — едвали можетъ составить занятіе особенно плодотворное для умственнаго развитія.

М. М. Стасюлевичу угодно было назвать *личнымъ моимъ* мнѣніемъ тотъ взглядъ, который по сіе время соединяетъ въ свою пользу большую часть мыслящихъ людей Европы. Ему кажется, что вопросъ уже рѣшенъ окончательно большинствомъ русскаго общества. Замѣтимъ однакожъ, что даже и въ ученой Германіи публика, по педагогическимъ вопросамъ, не имѣетъ рѣшающаго голоса; у насъ же предубѣжденіе значительной части общества противъ классицизма много происходитъ отъ того состоянія, въ какомъ находится преподаваніе древнихъ языковъ въ большей части гимназій. Неумѣніе многихъ учителей взяться за дѣло, непомѣрное обремененіе учениковъ уроками, излишнія требованія, безпощадные экзамены—все это должно было вооружить противъ классицизма не только учащихся, но и ихъ родителей.

Отсюда слѣдуетъ, что въ настоящемъ положеніи нашихъ среднихъ училищъ есть сторона, которая, независимо отъ вопроса о системѣ образованія, настоятельно и неотложно требуетъ коренной реформы. Это несоразмѣрность числа предметовъ и объема курсовъ съ силами учащихся. Пока будетъ продолжаться это гибельное зло въ устройствѣ нашихъ классическихъ гимназій, до-тѣхъ-поръ положенная въ основаніе ихъ система не получитъ своего истиннаго значенія. Хорошіе преподаватели и руководства, нормальное распредѣленіе учебныхъ занятій и задаваемыхъ уроковъ, измѣненіе способа испытаній, наконецъ введеніе гимнастики—вотъ предметы, заслуживающіе самаго заботливаго вниманія правительства и столь же важные, какъ уста-

новленіе той или другой системы ученія. Только при этихъ условіяхъ будетъ возможно судить о результатахъ вводимаго у насъ классическаго образованія.

Взаключеніе нужнымъ считаю,—чтобъ предупредить всякое недоразумѣніе,—выставить основные пункты моего взгляда на дѣло:

1) Классическая система имѣетъ глубокое значеніе для умственнаго развитія человѣка и потому незамѣнима въ образованіи не только ученыхъ и педагоговъ, но и вообще людей, предназначающихъ себя къ высшимъ духовнымъ задачамъ общественной дѣятельности.

2) Важность классическаго образованія не устраняетъ необходимости дать широкій просторъ реальному образованію, которое доступнѣе для большинства и нужно какъ для всѣхъ отраслей технической, такъ и для разныхъ родовъ практической дѣятельности.

3) При той низкой степени, на какой у насъ до-сихъ-поръ находилось педагогическое дѣло (такъ что въ образованіи, собственно говоря, не было *никакой* системы), введеніе классицизма во всей его абсолютной строгости невозможно и должно происходить постепенно.

4) Требованіе, чтобъ всѣ поступающіе въ университеты знали оба древніе языка, не можетъ вполнѣ достигать своей цѣли, пока будутъ существовать, какъ полнѣйшее тому противорѣчіе, привилегированныя учебныя заведенія, откуда воспитанники, послѣ поверхностнаго 6-ти или 7-ми лѣтняго курса и въ сравнительно незрѣломъ возрастѣ, допускаются къ важнѣйшимъ

отраслямъ государственной службы, не получивъ классическаго образованія.

и 5) Немедленно слѣдовало бы устранить гибельныя условія для здоровья, для умственнаго и физическаго развитія, въ какія поставлено въ нашихъ гимназіяхъ молодое поколѣніе, сверхъ силъ обремененное уроками и невыполнимыми для большинства требованіями, которыя не поддерживаются, по большей части, ни раціональнымъ преподаваніемъ, ни удовлетворительвыми учебниками: обыкновенно масса подробностей подавляетъ сущность, и излишеству мелочей приносится въ жертву основательное знаніе. Совершенно упускается изъ виду, что главная задача не въ сообщеніи полнаго запаса фактовъ, а въ подготовленіи почвы для дальнѣйшихъ пріобрѣтеній въ жизни.

PS Въ послѣднее время стало высказываться у насъ мнѣніе о какомъ-то будто бы аристократическомъ характерѣ классическаго образованія. Тутъ кроется прискорбное недоразумѣніе. Примѣръ всѣхъ странъ Европы показываетъ, что чрезъ классическія гимназіи съ особеннымъ успѣхомъ и самыми видными результатами проходятъ, большею частью, именно люди не только средняго, но низшаго сословія, т. е. тѣхъ слоевъ общества, гдѣ упорный трудъ составляетъ потребность и привычку, а не тѣхъ, которые стремятся къ легкому наслажденію жизнью съ возможно меньшимъ напряженіемъ силъ. Если классицизмъ дѣйствительно ведетъ къ какой-нибудь аристократіи, то развѣ только къ аристократіи ума, трудолюбія и знанія, а въ ней—

единственно твердый оплотъ противъ преобладанія аристократіи всякаго рода внѣшнихъ благъ и невѣжества.

Дозволено цензурою. Спб., 30-го апрѣля 1871 г.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(На В. О., въ 9-й линіи, № 12.)

2007237584